

ИЛЮШИН Владимир Владимирович [14.6.1960, с. Новоалександровка Тамбовского р-на Амурской обл. – 11.4.2001, г. Хабаровск] – прозаик, член Союза писателей России (с 1990), лауреат премии им. В. Шукшина (1991). Писал для амурских и хабаровских газет («Амурская правда», «Амурский комсомолец», «Амурская газета», «Восьмой этаж», «Русский берег», «Молодой дальневосточник» и др.), печатался в журналах и альманахах «Дальний Восток», «Литературный Владивосток», «Приамурье моё», «Рубеж».

И. является одним из самых талантливых и оригинальных дальневост. прозаиков, однако его произведения практически неизвестны широкой читательской аудитории, почти не оценены исследователями. Воспоминаний об И. немного, наиболее полные принадлежат другу и критику А.М. Лобычеву, который, повествуя о знакомстве с писателем, о редких, но всегда

запоминающихся встречах, отмечает, что И. был человеком не очень скорым на открытое братание и общение: «Рослый, с крепкой чёрной бородкой, красивый поджарой, сухой статью, он всегда держался чуть настороже, с каким-то то ли звериным, то ли охотничьим вниманием наблюдая за людьми и жизненными ситуациями». Характеризуя творческую манеру И., критик выделяет зоркую хищность прозаика, который будто выслеживал в реальной действительности сюжеты своих повестей и рассказов, замечал наиболее характерные и яркие повадки будущих героев, их способность реагировать на жизненные повороты: «Он считывал человеческие судьбы даже по мелким косвенным деталям существования».

В 1977, окончив благовещ. СШ №11, И. поступил в Дальневосточный ун-т на отделение журналистики, но проучился там всего два года. В 1979 он был призван в армию, служил в Приморье и на Камчатке; впечатления военной жизни легли в основу повестей «Выстрел», «Трое суток д/б» и рассказа «Острова». После демобилизации И. поступает в Лит. ин-т им. Горького, обучается на семинаре у А.А. Проханова, однако учёбу вновь оставляет. Вернувшись из Москвы, И. живёт на три города (Благовещенск – Хабаровск – Владивосток), работает корреспондентом разных дальневост. газет, занимается писательской деятельностью.

В начале творческого пути И. пробует себя в малой эпической форме, обращаясь к таким жанрам, как рассказ и повесть. Первый рассказ, «Заячий пастух» (1979), вышел в сборнике «Литературный Владивосток» благодаря редактору Г. Малых, который, заметив начинающего автора, не решающегося войти в издательство, пригласил его сам. «Заячий пастух» повествует о мечтательном, наивном, парящем во сне с соколом мальчишке Зубке. Герой, пытаясь спасти кроликов от цепкопрагматичного отца, погибает в холодной реке. Произведение лирично, пронизано тонкими пейзажными зарисовками, символизирующими свободолобивую и хрупкую душу ребёнка, его стремление к гармоничному сосуществованию с миром: «Синий хребет, далёкий, манящий. Если б правда было всё так, как мечтается, стал бы... ну хоть не заячьим королём, а просто зайцем или лучше птицей, нет... лучше волком,

добрым... чтоб убежать к хребту, где никто тебя не тронет, подзатыльника не отвесит, а главное – живи как хочешь, ходи по лесам». Рассказ «Письмо» (1979), опубликованный в лит.-художеств. сборнике «Приамурье моё», затрагивает остроу моральную проблему – право на жизнь. Старый почталон, по ошибке вскрыв чужое письмо, заставляет соседку Анну переписать его, изменив содержание: «<...> через год-два, и мы с тобой оформимся по-людски. Говорят, ты на сносях. Так что рожай мужика. Мужик хоть много ест, да и толку с него больше. А назви его...» Арнольд, что ли, писать? / – Пиши Ивана, – твёрдо сказал дед. <...> / Женщина провела ладонью по волосам, сказала: / – И чего это мы? Каждую стрикалистку ублажать – конвертов не хватит... <...> / – Стоит, Анна! Если за каждого Ивана по конверту – это дешёво. Ох как дешёво, скажу я тебе».

Право на существование человек не оставляет дикому зверю, ставшему главным героем повести «Путина» (1986). Медведь Одноухий в поисках пищи возвращается на «свою» реку, однако рыбы не обнаруживает. Старый раненый зверь, блуждая в речных окрестностях, интуитивно осознаёт: многое в природе с тех пор, как он был молодым и здоровым, изменилось: «Что-то сдвинулось в этом помешанном мире, который он перестал понимать. Что-то сдвинулось, оттого-то так невыносимо клонют и клонют в голове молоточки, оттого-то не идёт рыба и исчезают леса. Оттого вода устаёт течь, мелеют реки, ветер бродит как попало и в июне идёт снег. <...> И голод, и боль, и страх – всё это ничто перед разрушенным порядком, где ему, Одноухому, нет места». Главным виновником «помешательства» предстаёт человек, уничтожающий извечный природный порядок. Медведь гибнет от пули, пытаясь добыть пропитание в сетях рыбзавода, построенного на реке и поглощающего всю рыбу. Одним из ведущих мотивов повести является мотив запаха, который становится индикатором не только нравственной сущности человека, но всего мира, окружающего Одноухого. Запах приобретает этические характеристики: «Он слышал непривычный и резкий запах моря, в котором не было и намёка на подлость, почему-то знал, что зла от него нет, как нет зла от леса и реки». Кореец Пак, слитый с природным космосом и верящий в переселение душ, для медведя раздражающего запаха не имеет. Одноухий, чувствуя в нём «своего», проходит мимо старика, не причиняя никакого беспокойства. По-иному пахнут люди, прибывшие из города, чуждые естественному миру, способные «чудовищно» и бездумно его изменять: «Пахло человеком и всем, что ему сопутствует. Запах был едкий, приторный, трусливый и наглый запах». «Путина», затрагивая проблемы разрушения природы и нравственности, оказывается созвучна таким произведениям, как «Царь-рыба» (1972–1975) В. Астафьева и «Прощание с Матёрой» (1976) В. Распутина.

В 1987 «Путина» была включена в сборник И. «Тихоокеанское шоссе», в который также вошли рассказы. Произведения, составляющие книгу, тематически разнородны, их герои – представители разных возрастов, профессий, социальных групп (старый моряк, подросток, рабочий и др.). Объединяющим фактором становится метафорический образ «шоссе – жизнь». Жизнь предстаёт кратковременным промежутком, отрезком, дорогой, которую надо пройти, не упустив самого главного, поэтому герои И. остро чувствуют время: «Где оно – бывшее ещё вчера? <...> само время уходит немым укором, подбирая всё бездумно расшвыренное и утерянное. Только приближаясь к концу «пути», пенсионер Павел Григорьевич Елисеев из рассказа «Конфуз» осознаёт: «Неужели жизнь прошла зря?», и решает о приключившемся с ним инциденте в парке написать честно. Герой рассказа «Буханка», напротив, желая сразу испытать себя на прочность, в шестнадцать лет отправляется странствовать по стране. Инженер из «Человека, который любил Кафку» полагает, что лучшее время прошло. Он, лишь придумав возлюбленного для молодой библиотекарши Ирины, понимает, что упустил в жизни: «И я сам, обняв её крепче, пустил вдруг слезу, потому что мне его тоже стало жаль, этого сорвиголову, этого счастливича, которого любят».

Самобытен образ Витьки Лоншакова («Свистопляс»), соединяющего в своей «буйной» душе несовместимые качества. Герой, предстывая «уличным террористом», гулёной,

иждивенцем и пьяницей, оказывается способен на настоящие чувства, на любовь к соседской девушке Любке. Через образ Лоншакова автор стремится постичь специфику национального характера, обозначить его двойничскую сущность, зафиксировать широту «русской души». В одной из первых рецензий справедливо были подмечены шукшинские реминисценции: «Вспоминается рассказ Василия Шукшина “Сураз” – про такого же деревенского верзилу, который “попал в историю” с новой учительницей и её мужем». Лоншаков, подобно Спирке, всё никак не мог, не умел, не хотел по-человечески поступить, сделать «как люди»: «<...> лез на рожон, психовал, маялся дикой своей любовью, пораненным самолюбием – и не выдержал этой муки <...>» (Игорь Литвиненко).

В 1988 в «Дальнем Востоке» вышла повесть «Глиняный человек». Композиционно произведение делится на две части: первая – жизнь ребёнка в посёлке близ кирпичного завода. Этот мир насыщен эмоциями и впечатлениями. Детство героя заполнено не только бытовыми невзгодами, существованием в бараке, но и незабываемыми переживаниями (общение с Эком, первый поход с отцом в баню, сооружение глиняного человека), потрясениями (проводы Хорошо, случай на карьере, арест отца). Во второй части перед читателем уже повзрослевший герой – успешный военный, попавший в родные места по долгу службы. Приехав в посёлок, подполковник авиации осознаёт: отказавшись от отца, не указав его в анкете при поступлении в лётное училище, он предал мир своего детства. С «брошенным», «потерянным», на тридцать лет стёртым прошлым ушла душа, и внешне благополучная жизнь обернулась «ложью» и пустотой. Вторая часть повести стилистически суха и сдержанна, в ней отсутствуют речевое многообразие, эмоциональная палитра, присущие первой части, даже места детства не вызывают в подполковнике всплеска переживаний и воспоминаний.

В 1988 во Владивостоке был издан сборник рассказов и повестей «Первому встречному», получивший лит. премию Шукшина, учреждённую Л. Бородиным. Первоначально в книгу была включена повесть «Выстрел» (1984), о которой В. Лещик сказал: «<...> повесть о дедовщине “Выстрел” – просто шок. Спустя некоторое время в журнале “Юность” мне попалась повесть столичного прозаика Юрия Полякова “100 дней до приказа” – примерно о том же, о чём написал

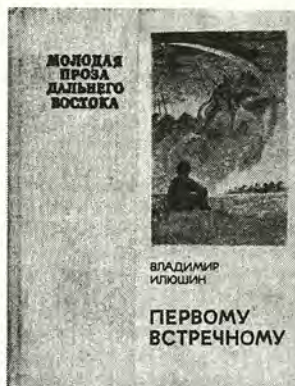
Владимир Илюшин и редактор газеты «Амурский комсомолец» Леонид Давыскиба. 1993 г.

Иплино. Только у Полякова, по-моему, вышла всего лишь беллетристика». А.М. Лобычев, опасаясь непубликации всего сборника, посоветовал исключить из него «Выстрел», позднее повесть была напечатана в альманахе «Рубеж» (1995). Армия в произведении предстаёт пространством закрытым и разобщающим. Воронежцы Рыба, Лёха и Виктор сходятся лишь на мгновение, в кузове машины, везущей их к месту службы. Армейский мир жесток, здесь выживает не просто сильнейший, а равнодушный. Человек, подобный Рыбе, с душой романтика и поэта, в нём инороден. Герой, не выдержав побоев и унижений, бежит из части с автоматом. На Рыбу объявлена облава. Круг замыкает Виктор. Он, заигравшись в ефрейтора, убивает Рыбникова. Этот выстрел изменяет героя, полагавшего, что всё в жизни понятно и подвластно только тебе самому: «И почему он не стал стрелять? Я ведь стоял столбом, можно было снять одним выстрелом, а он не стал, побежал <...>. На душе было скверно, маятно и не хотелось думать, что под этим тёплым ветром, который летит по верхушкам деревьев, загнываясь к очистившемуся небу, где-то в безмянной могиле лежит, разлагаясь, то, что ещё недавно было Рыбой <...>. И что все они живут, несмотря ни на что, будут жить вот с этим, чего не забыть».

Следующей творческой ступенью И. стал роман «Письма осени» (1986–1988), действие которого происходит в перестроечные годы, когда многие, подавшись духу времени, потеряли устойчивые нравственные ориентиры. «Письма» предстают кусочками жизни персонажей. В романе неск. ключевых героев, пересекающихся лишь благодаря сюжетным ходам, за исключением Бегемота и Скорова. Первый из них, Бегемот – московский хиппи, отправившийся на Дальний Восток в поисках романтики и новых ощущений. Волею судьбы он оказался заброшен в Хабаровск, где всё ему представляется ничтожно-ужасным. Сидя на вокзале и наблюдая за окружающими, герой пытается проникнуть в их внутренний мир, понять, что в людях не так, осмыслить «сломы» каждого попавшего ему на глаза. Бегемот – грузчик, мечтающий о философском образовании, буддист, не чуждый православия, находится в поисках своей веры, смысла жизни, который обретает, встретив девушку Олю, вызвавшуюся ему помочь. Для Бегемота, запутавшегося в хитросплетениях «искажённого» времени, выходом становится любовь, которую он и не чаял встретить. Философская позиция Бегемота раскрывается в споре со Скоровым – бывшим преподавателем и аспирантом ун-та, пострадавшим за поиск исторической правды (коллективизация, репрессии). Скоров – «разумный эгоист», стремящийся «сохранить мир человеческим» в одиночку: «Человек должен мочь один, если хочет именоваться человеком. Обязан мочь в одиночку, иначе легко любое зверство свалить на обстоятельства, на время, систему». Смысл существования несостоявшегося историка – пятилетний сын, которого он пытается защитить от погрязших в мещанстве и пошлости матери и тещи.

Таким героям как Мухомор и Китаец автор не даёт шансов выжить. Мухомор – бомж, утративший имя, ощущающий себя (даже в своей среде) полным ничтожеством. Это герой, потерявший волю, способность сопротивляться, не проявляющий никакого желания ни к внешним, ни к внутренним переменам. Китаец – фарцовщик, наркоман, способный на истинное чувство, но задавивший в себе всё человеческое, убивший своё «я»: «<...> убиваешь любовь, чтобы не видеть себя, поверженного ею и обманного, убиваешь мечту, чтобы не страдать от неудач и несбывшегося, убиваешь, убиваешь, убиваешь, превращая в пустыню этот несуразный мир, который не желает быть таким, какой бы ты хотел видеть, да ещё и ломает по своему подобию тебя самого». Герой, уничтожая себя, убивая Мухомора с водителем такси, опускается на дно, выход откуда – смерть.

В 1989 в сб. «Литературное Приамурье» был напечатан рассказ «Гечёт река...». Место действия – «полуразвалившаяся деревушка» на берегу Амура. Главный герой – городской житель Витя, поселившийся на лето в опустевшей избе. Он, живя в заброшенном селе, пытается не только постичь секреты хорошей рыбалки, приобщиться к тайнам природы, но вдаль от шумного, светного города познать людей и законы бытия: «Должна быть какая-то высокая, непреложная

цель, которая лишь временно закрыта <...>. Должна и, может быть, она всё и оправдает? А иначе как жить, как терпеть холод и жестокость знания о собственной малости и ничтожности собственных усилий что-нибудь подарить этому миру <...>». С «туристом» соседствует Федотыч, «местный хозяин», мужик, неистово работающий на себя, а не на колхоз. Частый гость в его доме – «бич» Жора, слабый, любящий выпить человек. Хотя соседи Виктора обладают несхожими характерами и постоянно спорят, они нуждаются друг в друге, между ними существует странная, не всегда понятная главному герою связь. Федотыч, осуждающий лень и пьянство, всё же привлекает Жору, поскольку боится одиночества. А тот, несмотря на бесчисленные попреки в свой адрес, тянется к Федотычу, чувствуя в нём человека, который не оставит в беде.

В 1990-е И. публикуется редко, в осн. печатает рассказы: «Республика «Шантаж»», «Зверь», «Соль», «Иностранец». В центре рассказа «Рассуждения и похождения Ивана Фролова в отгульный день» (1991) образ пожилого, потерявшего в жизни плотника, который в выходной ничем кроме спиртного занять себя не может. Отражением пустоты, царящей в душе героя, становится традиционный для русской литературы образ неба. Для Ивана оно «бессмысленно пусто», это лишь проявление природы: «Иван задрал глаза в небо, глубоко и печально вздохнул, увидел синеву, да и только: сама по себе синева без всякого разумного предела <...>». В бездонном, уводящем ввысь небе герой замечает лишь крошечный метеозонд. Иван, потеряв жизненные ориентиры, всё же ждёт знака свыше, но небо платит равнодушием, порождающим в душе бесконечную тоску, тьму и злость: «Почему так темно? Ночь это, или сплошной мрак настал? Мрак непроглядный, морозный <...>. И небо качается взад-вперёд, и душа стонет, и плачет, и изводит себя в татарском мате <...>».

Среди произведений И. 90-х, по единодушному мнению коллег и критиков, лучший рассказ – «Острова», повествование о погрузке солдат на пароход, везущий к месту службы, к островам. Впервые «Острова» были напечатаны Б. Черных в ярославской газете «Очарованный странник». В. Астафьев, ознакомившись с рассказом, в письме к редактору восхитился: «Ну чистый Гоголь растёт! Экая силаца в слове. И музыка. Не полковой оркестр, а сводный, фронтовой. И какая органика: ни фальшивинки, ни патетики. Дай-то ему Бог не убагать за околицу островов».

В последние годы, по словам амурского писателя и журналиста А. Воронкова, И. было очень тяжело. Умерла мама – его надёжный тыл, он практически ничего не писал. Из незавершённого остался роман «Вечный сон Святого Георгия», отдельные главы которого публиковались в амурской периодике («Амурская правда», «Амурская газета»).

Умер и похоронен И. в Хабаровске, его нашли сидящим в городском саду на скамейке.

Соч.: Заячий пастух: Рассказ // Литературный Владивосток: Лит.-художеств. сб. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1979. С. 173–180; Письмо // Приамурье моё: Лит.-художеств. сборник. Благовещенск: Амурское отд. Хаб. кн. изд-ва, 1979. С. 179–182; Путица // Литературное Приамурье. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1986. С. 4–53; Тихоокеанское шоссе: Рассказы и повесть. Благовещенск: Амурское отд. Хаб. кн. изд-ва, 1987. 176 с.; Глиняный человек: Повесть // Дальний Восток. 1988. №10. С. 62–92; Письма осени: Роман. Благовещенск: Амурское отд. Хаб. кн. изд-ва, 1989. 192 с.; Первому встречному. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 341 с.; Рассуждения

и похождения Ивана Фролова в отгульный день // Молодой дальневосточник. 1991. №43. 28 сен. С. 6–7; Острова: Рассказ // Амурская правда. 1990. 22 дек. С. 8–9; «Вечный сон Святого Георгия»: Отрывок из романа // Амурская правда. 1992. 1 мая. С. 3; Генсек и музыкант: Глава из романа «Вечный сон Святого Георгия» // Амурская газета. 1993. №29. С. 12, №30. С. 12; Выстрел: Повесть // Рубеж: Тихоокеанский альманах. Владивосток. 1995. №2. С. 169–192; Глиняный человек: Повести и рассказы. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2012. 512 с.

Лит.: *Лецик В.Г.* Без оглядки на трафареты // Амурский комсомолец. 1987. 30 апр. С. 5; *Литвиненко И.* Сотвори свой мир // Дальний Восток. 1987. №9. С. 147–152; *Лецик В.Г.* «О днях сумасшедшей желтизны» // Амурская правда. 1989. 6 мая. С. 9; *Гран П.* Эх, Володя... // Хабаровские вести. 2001. №58. 17 апр. С. 8; *Лобычев А.М.* Пейзаж для слепого капитана: О судьбе и прозе Владимира Илюшина // *Лобычев А.М.* На краю русской речи: Статьи, рецензии, эссе. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2007. С. 109–117; *Зубарев И.* Простецкий мужик и сложный философ: Что известно о писателе Владимире Илюшине // Аргументы и факты. Дальний Восток. 2010. №24. С. 3; *Клошинский Е.* Тамбовский одиночка // Благовещенск. 2010. №23. С. 11; *Табунов А.* Проза, которую мы не прочли // Аргументы недели. Приамурье. 2010. №45. С. 20; *Черкесов В.* Копьё, брошенное в бесконечность // Смена [Белгород]. 2013. №32. 17 апр. С. 13.

Т.Е. Смыковская